ском списке читается «скажем же о поганской прелести и в Литве нашеи», выводилось заключение, к которому примыкал и я, что автор хронографа работал в Литве. Но теперь мне кажется, что вопрос не может быть решен так положительно: XIII век для Литвы не был веком подъема, возбуждения; там в это время только еще стали образовываться небольшие центры, а потому о появлении такого памятника нельзя сказать ничего решительного, так как для этого нет данных. Затем, заглавие глоссы не обязывает признавать возникновение памятника именно в Литве, так как подобные же глоссы могли быть составлены и в северо-восточной Руси выходцем из Литвы. Наконец, неизвестно, где и когда составилась глосса. Составлена ли она автором XIII в., или он ее взял готовой и только от себя прибавил года. Наши данные дают возможность с одинаковым правом относить место возникновения памятника как к Литве, так и к северо-восточной Руси. Но так как в отношении Литвы XIII в. нет сведений о литературном движении, а на северо-востоке Руси оно играло значительную роль, то перевес падает на сторону северо-восточной Руси, тем более, что памятник сам по себе, по своему содержанию, стоит в связи с другими подобными же памятниками, которые не могут быть отнесены к Литовскому государству" (В. М. Истрин. Исследования в области древне-русской литературы, I—V, СПб., 1906, стр. 225—226).

Это рассуждение, касающееся, главным образом, места составления хронографа, тем самым не входит в объем нашей работы. Что же касается безнадежности его тона, то он зависит от слишком большой веры в „Литву" Виленского списка и от забывчивости о Галицко-Волынской Руси и о ее летописи. Впрочем, в 1922 г. В. М. Истрин снова говорит, что Архивский (Иудейский) хронограф составлен „в XIII веке, в начале второй половины, на Литве" („Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха", Пгр., 1922, стр. 424).

Выше было нами обещано сказать об одной переделке Виленского списка, именно о принесении литовцами жертвы (Арх.) „Жворуне: рекше суце, и Телявели к кузнею (Вил. и теля велик кузнец) сковавше ему солнце". В виду дат. падежей „Андаеви", „Перкунови", „Жворуне", надо думать, что вместо „сковавше ему" списков — в оригинале их читалось „сковавшему" (или „сковавшу [-шю] ему"); „к кузнею" Арх. (по Истрину), конечно, ошибка, только не знаем, чья, так как кн. Оболенский напечатал „и с кузнею" (XXI). Но несомненно, что „и теля велик кузнец" Виленского списка — позднейший домысел, потому что контекст не позволяет здесь употребления именительных падежей. „Телявели", значит, — одно слово, поставленное в дательном падеже, а не два. Ведь, и в Ипатьевской летописи: „жряше... Нъпадееви и Телявели и Диверкъзу"... Если же представить себе, что и Арх. список и Ипатьевская летопись ошиблись, а Виленский список верен, то неминуемо надо предположить, что и Арх. и Ипат. идут от одного в данном месте испорченного текста, что мало вероятно ввиду нескладного синтаксиса этой цитаты в Виленском.

В своей книге „Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности", вышедшей в 1904 г., М. Н. Сперанский относит дату 1252 г., в согласии с В. М. Истриным, только ко времени написания одного хронографа (стр. 367), послужившего протографом Арх. и Вил. списков. Весь Арх. сборник М. Н. Сперанский считает писанным или во второй половине XV в., или в начале XVI в.; состав его определяет так: *1.* Толковый Апокалипсис (старейший русский список его известен от XIII в.); *2.* Иудейский хронограф половины XIII в.; *3.* Русский летописец, составленный между 1214—1219 г.; *4.* Сборник, по наблюдению